

Научная статья

УДК 327.2

<https://doi.org/10.24158/pep.2022.6.2>

Футурологические концепции Фрэнсиса Фукуямы и Элвина Тоффлера как идеологическое обоснование западного цивилизационного экспансионизма

Илья Леонидович Морозов

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Россия, politkon@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8241-5880>

Аннотация. В статье рассматриваются образы «глобального будущего» человеческой цивилизации, представленные в конце XX века в работах американских футурологов Элвина Тоффлера и Фрэнсиса Фукуямы, перед которыми в преддверии победного для стран Запада завершения «холодной войны» стояла задача определения и обоснования нового вектора развития глобального социума. Появляется концепция «Конца истории» Ф. Фукуямы, получает развитие сформулированная теория «Трёх волн» Э. Тоффлера, который обращается к изучению особенностей будущих войн, видя их как вероятное противостояние технотронного передового демократического Запада («цивилизация Третьей волны») и авторитарных государств условного Востока («цивилизация Второй волны») с милитаризированной индустриальной промышленностью в сочетании с отставанием в сфере высоких технологий (Хай-тек). Автор статьи приходит к выводу, что данные теории, может быть, вопреки воле своих авторов, послужили идейным обоснованием западного экспансионизма с целью утверждения либерально-рыночной модели демократии как безальтернативного вектора развития для всего человечества. Однако данный цивилизационный проект Запада встретил серьёзное сопротивление со стороны ряда акторов международной системы, что обернулось чередой локальных войн в первые десятилетия XXI века и к настоящему моменту поставило человеческую цивилизацию перед угрозой полномасштабного мирового вооружённого конфликта. Эмпирической базой исследования послужили концептуальные работы Э. Тоффлера и Ф. Фукуямы указанного периода. Методологический инструментарий строится на принципах историзма, системного подхода, методики аналитической работы с текстами.

Ключевые слова: политическая идеология, футурология, Тоффлер, Фукуяма, экспансия, глобализация, локализация, «коллективный Запад»

Для цитирования: Морозов И.Л. Футурологические концепции Фрэнсиса Фукуямы и Элвина Тоффлера как идеологическое обоснование западного цивилизационного экспансионизма // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 6. С. 18–23. <https://doi.org/10.24158/pep.2022.6.2>.

Original article

Futurological Concepts of Francis Fukuyama and Alvin Toffler as an Ideological Substantiation of Western Civilizational Expansionism

Ilya L. Morozov

Volgograd Institute of Management, branch of RANEPa, Volgograd, Russia, politkon@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8241-5880>

Abstract. The author discusses the images of the “global future” of human civilization, presented at the end of the 20th century in the works of American futurologists Alvin Toffler and Francis Fukuyama, who, on the eve of the victorious end of the Cold War for Western countries, faced the task of determining and substantiating a new vector of development global society. Fukuyama creates a concept of “End of History”, and Toffler develops a theory of “Three Waves”. He studies the features of future wars, seeing them as a likely confrontation between the technetronic advanced democratic West (“Third Wave civilization”) and authoritarian states of the conditional East (“Second Wave civilization”) with a militarized technical industry combined with a backlog in high technology (Hi-tech). The author comes to the conclusion that these theories, perhaps against the will of their authors, served as the ideological justification for Western expansionism in order to establish the liberal market model of democracy as an uncontested vector of development for all mankind. However, this civilizational project of the West met with serious resistance from a number of actors in the international system, which turned into a series of local wars in the first decades of the 21st century and by now has put human civilization under the threat of a full-scale world armed conflict. The empirical basis of the study was the conceptual work of A. Toffler and F. Fukuyama of the specified period. Methodological tools are based on the principles of historicism, a systematic approach, and methods of analytical work with texts.

Keywords: political ideology, futurology, Toffler, Fukuyama, expansion, globalization, localization, “collective West”

For citation: Morozov, I.L. (2022) Futurological Concepts of Francis Fukuyama and Alvin Toffler as an Ideological Substantiation of Western Civilizational Expansionism. *Society: Politics, Economics, Law*. (6), 18–23. Available from: doi:10.24158/pep.2022.6.2 (In Russian).

Последние десятилетия XX века стали рубежными для политической науки в США, сопрягающейся в предмете исследования с футурологическими аспектами на фоне роста публицистического внимания к данной сфере. Неожиданная для западной интеллектуальной элиты победа в «холодной войне» и последующая уступчивая внешнеполитическая линия позднесоветского и первого постсоветского руководства СССР/России конца 80-х – 90-х годов стимулировали расцвет интеллектуального политологического жанра теорий «глобального управления» и породили запрос на конструирование образа будущего мира в координатах Pax Americana.

США входили в уникальный хронополитический исторический отрезок, продлившийся с конца 80-х годов XX века до второй половины нулевых годов XXI века, когда единственная сверхдержава не имела сопоставимого по ресурсам влияния и политической воли конкурента, но видела перед собой разобщённый деидеологизированный мир, значительная часть которого обращала взоры к Западу в поисках новых духовных ориентиров и жизненных стандартов. Завершающую дату этого отрезка можно указать в достаточной степени точно – 2007 год, речь Президента России В.В. Путина на Мюнхенской конференции по безопасности, ставшая рубежной не только в российско-американских отношениях, но, как показали последующие события, явившейся прологом к формированию новой международной системы, идущей на смену либеральному глобализму.

В многочисленной когорте американских творцов-теоретиков политико-футурологических идеологем характерными её представителями можно назвать Фрэнсиса Фукуяму и Элвина Тоффлера, чьё творчество уже несколько десятилетий неизменно привлекает внимание российских учёных самой разной научной специализации (Дмитриев, 2020; Любарец, 2018; Смирнов, 2018; Судаков, 2015; Устинова, 2019).

При обращении к наиболее обсуждавшейся в российских интеллектуальных кругах работе Ф. Фукуямы «Конец истории и последний человек» сразу обнаруживаются слабая фактографическая фундированность данного труда, ограниченность системного подхода и преобладание индуктивного историзма – из набора частных посылок, не всегда достаточных, автор спешит сделать выводы универсального порядка.

С позиций российской исторической ментальности американский футуролог демонстрирует мировоззренческие принципы, не совместимые с российским топосом. Человек в понимании Ф. Фукуямы – «главным образом экономическое животное»¹, то есть управляемый преимущественно материальными стимулами и стремящийся к материальному благополучию как смыслу своего бытия. «Экономическое животное» избегает опасностей, любых тягот жизни (тяжелый физический труд в сложных климатических условиях, служба в регулярной армии по призыву, участие в экономически невыгодных общественных проектах). Подобный мировоззренческий подход не только чужд российскому вектору цивилизационного развития, но и смертельно опасен для него по своей сути, постепенно модифицируя общественное сознание с державно-патриотического на либерально-консюмеристское, порождая непривычный для России феномен «гражданина мира», не имеющего моральных обязательств перед своей исторической родиной, нацеленного на материальный успех и не слишком щепетильного в средствах его достижения. Экстремальные условия выживания России не оставляют места «обществу потребления» западного типа, но формируют неиссякаемый запрос на гумилёвских пассионариев или «тимотического человека» (в терминологии Ф. Фукуямы), носителя мессианской идеи и героики, того типа характера воина и преобразователя мира, который ментально противостоит «экономическому животному».

Американский автор придаёт излишне большое значение «либеральным ценностям», или идеалу американского образа жизни, для него а priori подразумевается, что к этим феноменам должны стремиться граждане в любой точке планеты, пренебрегая локальными религиозными, историческими или идеологическими особенностями. Собственно, в этом и состоит фукуямовский «конец истории» – человечество принципиально не способно создать что-то лучшее, нежели либеральная демократия, воплощающаяся (хотя с огрехами и оговорками) в современной Западной цивилизации. Осталось лишь объяснить человечеству выгоды потребительского либерализма и «зачистить» упорствующие очаги сопротивления – дорога к всеобщему счастью будет

¹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004. С. 214.

открыта. Разумеется, автор маскирует эти тезисы высокими, иногда излишне затянутыми интеллектуальными сентенциями и не всегда к месту приводимыми историческими примерами, но смысл тезисов от этого не меняется.

Американский академический и публицистический истеблишмент воспринимает как обязательный интеллектуальный dress code негативное отношение к таким системным основам локальных цивилизаций, как религия и национализм. На деструкцию этих категорий Ф. Фукуяма косвенно призывает направить усилия современного человечества¹, не предполагая, к каким геополитическим катастрофам это неизбежно приведёт. Примером может служить Российская империя, население которой на рубеже веков склонилось к религиозному безразличию, недоверию к правящей династии и увлечению утопией построения бесклассового надгосударственного мирового сообщества, но в итоге лишилось великой страны. Контролируя до революционного катаклизма геополитическое пространство от Варшавы до Аляски, от Гельсингфорса до Кушки, Россия потеряла лучших своих граждан, павших на полях гражданской войны и её эпидемиологических следствий, эмигрировавших, растворившихся в мировом пространстве. Однако в конце XX века ситуация геополитического распада единого государства повторилась, но в более значительном геополитическом масштабе, а конфликты и войны между новыми актёрами распавшегося евразийского пространства продолжают до сих пор.

Ф. Фукуяма в ряде случаев сознательно идеализирует ситуацию. Например, утверждая, что либеральная демократия автоматически гарантирует защиту прав человека вне его объективных отличий (раса, пол, возраст и т. д.). *«Любое дитя человеческое, рождённое на территории Соединённых Штатов или Франции... получает в силу самого факта некоторые права гражданства. Никто не может причинить вред этому ребёнку, будь он беден или богат, бел или чёрен...»*,² – утверждает лидер американских футурологов, однако не добавляет, что по факту сами американцы, как мы видим, оставляют за собой право причинить вред ребёнку серба, афганского пуштуна, иракца или жителя Донецка, списывая гибель мирных граждан на неизбежные издержки «миротворческих операций».

Выдвигая концепцию «конца истории», Ф. Фукуяма обрекает весь мир на роль последователя и подражателя торжествующего либерального Запада. Геополитический последователь растрчивает время исторической жизни в погоне за всё ускользающим стандартом западной жизни, за США по умолчанию оставляет статус глобального модератора – первопроходца. Не в силах отрицать социальные болезни самого американского общества, Ф. Фукуяма и по данному поводу подготовил оптимистическую работу, призванную убедить читателя в том, что социальные проблемы Америка успешно преодолевает – сокращается преступность, количество абортов, численность матерей-одиночек³.

Политические события начала XXI века выявили проблемы процесса вестернизированной глобализации и нарастающее сопротивление ему, что Ф. Фукуяма был вынужден учитывать в своих поздних работах⁴. Теперь американский футуролог вынужден признать, что политическое насилие и военная сила остаются важным фактором международных отношений, играют свою роль в рамках взаимодействия Запада с другими частями человечества. Также Ф. Фукуяма вынужден констатировать симптомы упадка «государственного порядка» (сочетание государственного аппарата, законов и политического представительства) даже в США и в целом делает пессимистичный вывод: «Посему никому из тех, кто живёт в зрелой либеральной демократии, не следует почивать на лаврах и верить в неизбежность выживания демократии. Нет таких исторических механизмов, которые обеспечивают “автоматизацию” прогресса или предотвращают упадок»⁵. Обращаясь к выявлению и анализу политических режимов, претендующих на роль «альтернатив либеральной демократии»⁶, он выделяет четырёх игроков – Иран, монархии Персидского залива, «путинскую Россию» и Китай, при этом только последний пункт в этом списке считает более-менее реальным конкурентом для Западной модели и достойным подробного анализа на страницах своей книги «Упадок государственного порядка». Остальных конкурентов, включая Россию, Ф. Фукуяма анализирует весьма кратко.

Э. Тоффлер, пришедший в современную футурологию из публицистики, поднялся до величины, с которой считается мировая социально-гуманитарная наука по самому широкому спектру вопросов: от экономики и теории информации до политического прогнозирования и военной

¹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004. С. 408–409.

² Там же. С. 310.

³ Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., 2003. С. 17–18.

⁴ Фукуяма Ф. Государственный порядок. М., 2015; Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка. М., 2017.

⁵ Фукуяма Ф. Угасание государственного порядка. М., 2017. С. 614.

⁶ Там же. С. 609.

стратегии. Новационным в теории Э. Тоффлера считается предложение классифицировать все существующие на Земле народы по трём группам:

- тех, кто живёт по законам технотронной «третьей волны»;
- тех, кто делает ставку на промышленное производство «второй волны»;
- тех, кто придерживается аграрного хозяйства «первой волны»¹.

Более того, подобное разделение зачастую проходит и внутри самих стран, чьи элиты делятся на три противоборствующих сегмента, ориентирующихся на одну из трёх экономических моделей. Очередная технологическая волна выводит народ на более высокий и культурный уровень развития, и в теории народы «третьей волны» должны по всем пунктам (от уровня комфортности жизни своего среднего класса до военной эффективности) превосходить народы «первой–второй волны», вызывая у них уважение, зависть и подражание. Основные войны – как между-народные, так и гражданские – проходят по «стыкам» данных волн. Концепция Э. Тоффлера, выстраиваемая, на первый взгляд, как логически безупречная, вызывает целый ряд вопросов.

Загадкой остаётся, например, как может новейшая экономика знаний и услуг («третья волна») выжить без поставок промышленных товаров массового потребления («вторая волна»), продовольствия, природных ресурсов («первая волна»). Придётся всё же диверсифицировать свой сектор в пользу производящих отраслей, так как ни один, даже самый искусный американский юрист, экономист или врач не сможет реализовать свои уникальные и невозпроизводимые другими индивидами навыки без предварительного потребления пищи, использования одежды, автомобиля и топлива, и многого другого. Если «нация юристов и экономистов» не готова к переквалификации значительной части человеческого капитала в производящий сектор экономики, то придётся либо запускать в свой ореол мигрантов из менее благополучных стран, либо вставать на путь экономической и военной агрессии, навязывая странам воспроизводящих или добывающих типов экономик соответствующую нишу в мировом разделении труда – эксплуатируя их ресурсы путём неэквивалентного обмена, прикрываемого идеологической завесой. Каждый из обозначенных путей в долгосрочной перспективе ведёт к опасным последствиям. Некоторый выигрыш во времени, но не более, даст комбинация двух упомянутых выше путей, которую с начала XXI века и представляет внешняя и внутренняя политика США.

Почти четыре десятилетия назад Э. Тоффлер дал теоретическое обоснование курса на мультикультурализм, предлагая смириться с неизбежным переходом от государствообразующих народов-этносов к пёстрому конгломерату различных равновеликих этносов и субкультур, росту числа которых нужно не только не препятствовать, но и всячески помогать: *«Возможно, понадобятся “дипломаты” или “послы”, чтобы посредничать не между странами, а между меньшинствами внутри каждой страны. Нам, может быть, придётся создавать квазиполитические институты, чтобы помогать меньшинствам – профессиональным, этническим, сексуальным, региональным, рекреационным или религиозным – быстрее и легче образовывать и разрывать альянсы»*². В данной связи можно задать риторический вопрос – если бы СССР в июне 1941 года представлял собой не сплочённую государствообразующей идеологией нацию с выраженным в качестве централизатора-объединителя русским народом, сплотившим вокруг себя множество иных народностей и готовым принять на свои плечи основные тяготы испытаний, а конгломерат автономистских сексуальных, региональных и прочих меньшинств, отношения между которыми регулируются тоффлеровскими «дипломатами», то сколько времени у данных «дипломатов» заняла бы «помощь в заключении альянса» на борьбу с гитлеровской Германией, скажем, между приморскими удэге и московскими гомосексуалистами? И как скоро удалось бы присоединить к этому антифашистскому альянсу феминисток Свердловска? Или мультикультуралистский тоффлеровский «альянс меньшинств» просто не предусматривает, что против него может выступить сильный враг, а потому всё ограничится внешними короткими победными рейдами против слабых нетолерантных персоналистских диктатур типа саддамовской в Ираке?

Отправной точкой военно-политических построений Э. Тоффлера выступает общее место в размышлениях многих западных интеллектуалов – демократии между собой не воюют не только из-за культурной близости, но и по причине взаимозависимости экономик³. Из этого следуют выводы, что распространение демократий по всему миру закрывает «окно возможностей» для развязывания войн. Западные социологи обычно неохотно разворачивают названный тезис далее, иначе пришлось бы говорить о нелепости войны среди привилегированной группы стран, навязавших по праву сильного другим народам своё модерирование экономических, культурно-информационных

¹ Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002; Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2004; Тоффлер Э. Революционное богатство. М., 2008.

² Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002. С. 667.

³ Тоффлер Э. Война и антивоина: что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. М., 2005. С. 49.

и других системообразующих процессов. Зато международная элита с пугающей периодичностью показывает глобальной периферии свои военные возможности и политическую волю агрессора, выбирая очередную жертву и изготавливая предлог для показательной расправы (этнические преступления в случае с сербами, распространение мирового терроризма в случае с Афганистаном, продвижение к оружию массового уничтожения в случае с Ираком, геноцид в случае с Сирией и Ливией). По вполне понятным причинам не найдём мы подобных размышлений в книге Э. Тоффлера, посвящённой анализу современных войн и прогнозам будущего.

Эволюцию военного дела американский мыслитель видит в переходе от массовых армий, ведущих изнурительные кровопролитные войны, к скоротечной и относительно бескровной военной кампании, в которой компьютеризированные и переоснащённые новейшей техникой небольшие профессиональные армии демократических стран будут неизбежно и быстро одерживать победы над диктаторскими режимами. Идея технотронной войны будущего не нова, и Э. Тоффлер в этом аспекте выступает скорее популяризатором, нежели эксклюзивным разработчиком подобных взглядов, используя в качестве примеров некий ряд исторических фактов: от арабско-израильского противостояния до антииракской войсковой операции «Буря в пустыне». Однако мы видим, что в реальных исторических событиях американская армия конца XX – начала XXI веков предстаёт как агрессор по сути (всегда воюет только на чужой территории, состоит из «профессионалов», то есть наёмников, получающих деньги за узаконенное убийство людей), расист по ситуации (её противники а priori подразумеваются как технологически отсталые, интеллектуально и культурно ограниченные, склонные к преступлениям против человечности) и разбойник по тактике (неожиданно массированно обрушивается на врага, достигает своих целей в кратчайшие сроки и быстро уходит с места прошедших боёв).

Военно-политическая футуристическая модель технотронной войны Э. Тоффлера вполне подходит для США в качестве политической стратегии – государства-агрессора, укрепившегося на недосыгаемом для возмездия острове-крепости и периодически предпринимающего рейды устрашения на чужие территории. Но не подойдёт подобная модель России, чьё геополитическое пространство уязвимо со всех направлений. Малая агрессивная наёмная армия, «заточенная» под молниеносные победоносные карательные рейды во внешний мир, плохо подходит для условий затянувшейся войны «на истощение», характерной для евразийских пространств. Кроме того, такая армия совершенно неэффективна для удержания занятой территории, на которой разворачивается повстанческая активность местного населения, и опыт американских войск последних десятилетий (особенно недавняя спешная эвакуация войск из Афганистана) это как раз подтверждает.

Вывод. Проведённый экспертный теоретический анализ работ наиболее характерных представителей современной американской футурологии позволяет констатировать, что выдвинутые концепции не носят характера универсалий, позволяющих объективно описывать современные глобальные тренды или составлять прогнозы развития как человечества в целом, так и отдельных его политико-цивилизационных сегментов. При этом концепции Э. Тоффлера и Ф. Фукуямы носят признаки идеологизированных политических мифологем, потенциально пригодных для интеллектуального обоснования «необходимости» экспансии Евроатлантизма в другие геополитические регионы под воздействием обостряющейся конкуренции за убывающие планетарные природные ресурсы.

Список источников:

Дмитриев Т.А. «Желание быть видимым»: Френсис Фукуяма в поисках объяснения новых тенденций мировой политики // Перспективы. Электронный журнал. 2020. № 1 (21). С. 133–144.

Любарец А.В. Ф. Фукуяма, Э. Бжезинский, Э. Тоффлер, С. Хантингтон – четыре манипулятора апокалипсическим грядущим / Перспективы развития научных исследований в 21 веке. Сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции. Махачкала, 2018. С. 35–37.

Смирнов Ю.В. Анализ развития информационной сферы из концепции супер-индустриального общества Элвина Тоффлера // Известия института педагогики и психологии образования. 2018. № 2. С. 72–82.

Судаков С.С. Френсис Фукуяма и Самьюэл Хантингтон как апологеты современной концепции американской исключительности // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015. № 1 (80). С. 29–33.

Устинова М.А. Медийные аспекты футурологической концепции Э. Тоффлера / Дни науки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Сборник трудов V Научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых. Симферополь, 2019. С. 234–235.

References:

Dmitriev, T.A. (2020) "Desire to be observed": Francis Fukuyama in search of explanation for the new tendencies in world politics. Book review. *Perspectives and prospects*. (1). 133–144. (In Russian).

Lyubarec, A.V. (2018) F. Fukuyama, Z. Bzhezinskiy, E. Toffler, S. Khantington – chetyre manipulyatora apokalipsicheskim gryadushchim [F. Fukuyama, Z. Brzezinski, A. Toffler, S. Huntington – four manipulators of the apocalyptic future]. In: *Perspektivy razvitiya nauchnyh issledovanij v 21 veke. Sbornik materialov XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Prospects for the development of scientific research in the 21st century. Collection of materials of the XVI International Scientific and Practical Conference]*. P. 35–37. Makhachkala. (In Russian).

Smirnov, Yu.V. (2018) Analiz razvitiya informatsionnoy sfery iz kontseptsii super-industrial'nogo obshchestva Elvina Tofflera [Analysis of the development of the information sphere from the concept of a super-industrial society by Alvin Toffler]. *Izvestiya instituta pedagogiki i psihologii obrazovaniya [Proceedings of the Institute of Pedagogy and Psychology of Education]*. (2). 72–82. (In Russian).

Sudakov, S.S. (2015) Francis Fukuyama and Samuel Huntington as apologists of modern concept of American exceptionalism. *Humane, Social and Economic Sciences*. (1). 29–33. (In Russian).

Ustinova, M.A. (2019) Mediynnye aspekty futurologicheskoy kontseptsii E. Tofflera [Media aspects of the futurological concept of A. Toffler]. In: *Dni nauki Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Sbornik trudov V Nauchno-prakticheskoy konferencii professorsko-prepodavatel'skogo sostava, aspirantov, studentov i molodyh uchenyh [Days of Science of the Crimean Federal University]*. Simferopol. P. 234–235. (In Russian).

Информация об авторе

И.Л. Морозов – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и менеджмента Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=644786.

Information about the author

I.L. Morozov – D.Phil. in Political Science, Assistant professor, Professor, Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA, Volgograd, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=644786.